

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

УДК 159.9

Латентные профили стилей принятия решений: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок

Т.В. Корнилова, Ц. Оуян, Л.Б. Максарова✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉maksarovalydia@gmail.com

Резюме

Актуальность. В последние годы актуальным становится выявление индивидуально-стилевой регуляции принятия решений (ПР), поскольку ПР выступает неотъемлемой характеристикой жизнедеятельности человека в сложном и неопределенном мире. В качестве нового аспекта выделяется кросс-культурная общность и специфика эмоционально-личностных составляющих ПР.

Цель. Кросс-культурный анализ стилей принятия решений у российских и китайских участников по выделяемому согласно Мельбурнскому опроснику принятия решений — МОПР (Melbourne Decision Making Questionnaire — MDMQ) — особенностям продуктивного и непродуктивного совладания с неопределенностью.

Выборка. Участники — 531 человек: 259 из России ($M_{\text{возр}} = 27,67$; 32,4% мужчин) и 272 из Китая ($M_{\text{возр}} = 27,76$; 38,6% мужчин).

Методы. Верифицирована четырехфакторная структура МОПР для китайской выборки. Кроме МОПР участникам предъявлялся опросник позитивного и негативного аффекта PANAS. Все проходили тестирование на основе осведомленного сотрудничества; в российской выборке — очно, а в китайской онлайн через платформу Вэнь Чжуань Син (问卷星).

Результаты. Сравнение выборочных средних выявило большую *бдительность* у россиян и большее *избегание* (перекладывание ответственности) и *сверхбдительность* (неоправданную смену целей) у китайских участников. Корреляционный анализ показал: 1) сходные взаимосвязи непродуктивных копингов у россиян и китайских мужчин и отличие китайских женщин, у которых положительно связаны продуктивный и непродуктивные копин-

ги; 2) положительные связи стиля *бдительность* с позитивным аффектом и непродуктивных копингов с негативным аффектом.

Выводы. При различиях в высоте стилевых переменных следует вместе с тем говорить об общности соотношения их в латентных профилях двух культурных выборок. Уточнена кросс-культурная специфика установленных связей по фактору пола: у женщин в китайской выборке продуктивный и непродуктивные стили совладания с неопределенностью положительно связаны, что не наблюдалось среди участников в других выборках.

Ключевые слова: принятие решений, бдительность, избегание, прокрастинация, Мельбурнский опросник принятия решений.

Для цитирования: Корнилова Т.В., Оуян Ц., Максарова Л.Б. Латентные профили стилей принятия решений: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 32–57. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

Latent profiles of decision-making styles: cross-cultural comparison of Russian and Chinese samples

Tatiana V. Kornilova, Ouyan Ziyang, Lydia B. Maksarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

maksarovalydia@gmail.com

Abstract

Background. In recent years, the identification of individual style regulation of decision-making (DM) has become relevant, since DM is an integral characteristic of human life in a complex and uncertain world. As a new aspect, the cross-cultural commonality and specificity of the emotional and personal components of DM are highlighted.

Objective. The aim is to carry out a cross-cultural analysis of the decision-making style of Russian and Chinese samples according to productive and unproductive

approaches to coping with uncertainty distinguished in the Melbourne Decision Making Questionnaire (MDMQ).

Sample. The sample consisted of 531 participants: 259 from Russia ($M_{age} = 27,67$; 32,4 % men) and 272 from China ($M_{age} = 27,76$; 38,6 % men).

Methods. The four-factor structure of MDMQ for the Chinese sample was verified. In addition, the participants were presented with the Positive and Negative Affect Schedule — PANAS. All participants were tested through informed collaboration; in Russian sample it was conducted in person, in Chinese sample online testing through the Wen Zhuan Xing (问卷星) platform was involved.

Results. Cross-cultural comparison of sample means revealed greater Vigilance in Russians and greater Back-Passing and Hypervigilance in Chinese participants. Correlation analysis has shown (1) similar interrelations of unproductive coping among Russians and Chinese men and differences in Chinese women; (2) positive relations of Vigilance with positive affect and positive relations of unproductive coping with negative affect.

Conclusions. Considering differences in the variables of personal regulation of decision making, we should speak about the generality of their correlation in the latent classes of the two cultural samples.

Keywords: decision making, Vigilance, Back-Passing, Procrastination, Melbourne Decision Making Questionnaire.

For citation: Kornilova, T.V., Ouyan, Z., Maksarova, L.B. (2023). Latent profiles of decision-making styles: cross-cultural comparison of Russian and Chinese samples. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 32–57. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-26>

Введение

Психологические исследования принятия решений (ПР) включают анализ как стратегий, так и эмоционально-личностной регуляции ПР. Если стратегии отражают целевую содержательную направленность и когнитивные структуры ПР, то стили отражают то, как процессуально личностью реализуются те или иные стратегии. Стили принятия решений можно рассматривать как интегративные характеристики способов ПР, отражающие и личностные предпочтения, и индивидуально сложившиеся приемы регуляции выборов, включающие как когнитивные, так и эмоциональные компоненты преодоления условий неопределенности. Ранее Ю. Козелецкий были намечены три основные парадигмы исследований ПР — когнитивная, мотивационная и поведенческая (Козелецкий, 1979). В последние

годы в силу понимания того, что для современного человека ПР становится каждодневной реальностью его жизнедеятельности в сложном и неопределенном мире, особое внимание стало уделяться аспекту стилевой регуляции ПР, причем с разведением уровней регуляции — индивидуально-стилевой, личностной и стратегической (Разваляева, 2021). Вместе с тем довольно трудно четко разделить грани индивидуально-стилевой и собственно личностной регуляции (со стороны самосознания, мотивации и диспозициональных личностных свойств), между когнитивными и личностными составляющими в психологическом опосредствовании выбора. Так, в разработанном С. Эпстейном с коллегами опроснике «Рациональный–Экспериментальный» (Epstein et al., 1996) выделяемые интуитивный и аналитически-рациональный стили включают предположения и о предпочитаемых человеком мыслительных стратегиях (в характеристиках Системы 1 и Системы 2), и о проявлении в них личностных особенностей (Корнилова, Разваляева, 2017).

При разработке опросника «Тенденция принятия решений» — Decision-Making Tendency Inventory — DMTI (Misuraca et al., 2015) авторы использовали в качестве компромиссного термин «тенденции» для обозначения предпочтений в стремлении человека на максимальный сбор информации (максимизация), на селективный поиск удовлетворяющего решения (сатисфизация) или на минимизацию усилий для ПР (минимизация). Это выступило характеристиками целевой направленности стратегий и одновременно стилей принятия решений — по предпочитаемому способу действий в ситуации выбора в условиях неопределенности.

В апробированном нами ранее Мельбурнском опроснике принятия решений (МОПР) (Корнилова, 2013) использовано понятие стилей разрешения субъективно ощущаемого конфликта в ситуации неопределенности. Он разработан на основе концепции И. Джениса и Л. Манна (Janis, Mann, 1977), связавших понятие стилей с выделением продуктивного и непродуктивных копингов при ПР. Важной новой характеристикой индивидуальных свойств, проявляемых при ПР, выступило свойство *вигильности* (*Vigilance*), или *бдительности* («бдить» — как быть готовым к решениям в любой момент), которое было осмыслено авторами в качестве универсальной стилевой характеристики, или предпочтения человеком продуктивного совладания с ситуациями неопределенности. Это свойство позволяет человеку в ситуации выбора преодолевать конфликт между различными мотивационными и эмоциональными «силами».

Бдительность связана с когнитивной сложностью, потребностью в познании, «вовлечением в мышление», высокой регуляцией аффекта (Kamhalová et al., 2013; Bouckennooghe et al., 2007), низкой агрессивностью при высокой активности (Urieta et al., 2021). В исследованиях этому продуктивному стилю совладания противопоставлены непродуктивные копинги: *сверхбдительность* — «паникерство» или метание между разными целями, отражающая эмоциональную дисрегуляцию в оценивании альтернатив возможного решения, а также тенденции к *избеганию* (и перекладыванию ответственности) и *прокрастинации* (откладыванию решения до последнего). Все три непродуктивных стиля ПР положительно связаны с депрессивной симптоматикой (Di Schiena et al., 2013; Cotrena, Branco, Fonseca, 2017), высоким нейротизмом, низкой экстраверсией, а также «когнитивными неудачами» (Di Fabio, 2006; Urieta et al., 2021). Таким образом, в МОПР заложено представление об интеграции в диагностируемых стилях ПР составляющих и когнитивной, и личностно-мотивационной сферы.

Возможные разночтения в понимании тенденций как стилей, отражающих особенности принятия и преодоления неопределенности (совладания с неопределенностью), в некоторой степени корректируются дифференциацией их связей с составляющими интеллектуально-личностного потенциала человека. Согласно концепции множественной многоуровневой регуляции решений и действий человека (Корнилова, 2016), в свернутых стратегиях ПР (предполагающих доопределение поля альтернатив и критериев выбора) проявляются все 3 аспекта самореализации субъекта: 1) проявление интеллектуальной ориентировки (и актуалгенез стратегий), 2) эмоционально-личностная включенность в ситуацию, что предполагает взаимодействие ситуационных и диспозициональных факторов, 3) выраженность новообразований, характеризующих уровень проявленных усилий и продуктивности ПР. В соответствующей мультипликативной модели Т. Корниловой любое ПР — в совокупности указываемых характеристик — может рассматриваться с точки зрения выраженности тех или иных стилей (как предпочитаемых способов саморегуляции выборов в условиях неопределенности).

На основе разработки представлений о динамических регулятивных системах как иерархиях процессов, за которыми стоят разные составляющие интеллектуально-личностного потенциала человека, преодолевается дихотомия рационального vs личностного выборов (Корнилова, 2016; Чумакова, 2010).

Стили в указанных опросниках могут трактоваться как предпочтения личностью способов ПР, которые интегрированы в связи с латентными переменными интеллектуально-личностного потенциала.

Для анализа связей стилевых и диспозициональных переменных интеллектуально-личностного потенциала важным выступает аспект культурной принадлежности субъекта. Культурные нормы не просто влияют на поведение и предпочтения при ПР, но — с позиций культурно-исторической психологии — они интериоризируются в качестве средств саморегуляции в условиях неопределенности. Кросс-культурные сравнения российской, китайской, азербайджанской выборок (различающихся по шкалам толерантности–интолерантности общества к неопределенности и выраженности в нем коллективизма–индивидуализма) демонстрируют это на примерах отличий по эмоционально-личностным профилям (Корнилова, Корнилов, 2021; Kornilova, Zhou, 2021; Zirenko et al., 2021). Эти исследования, сочетающие корреляционный анализ и анализ латентных профилей, позволяют выявлять неслучайные сочетания выраженности разных переменных у лиц дифференцируемых групп. Мы предположили, что тем самым в сравнении разных культурных выборок можно выделить как универсальные, так и специфичные сочетания переменных, отражающих культурную детерминацию стилей ПР.

МОПР является результатом модификации более общего опросника Фландерса (Flinders' Decision Making Questionnaire, DMQ) (Mann et al., 1997). Он стал достаточно популярным при апробации его в других культурах, показав хорошую структурную валидность (Cotrena, Branco, Fonseca, 2017; Urieta et al., 2021; Sari, 2008). Наименьшую внутреннюю согласованность в апробациях МОПР проявляла шкала *сверхбдительности*, что приводило иногда к трехфакторному решению; например, в шведской версии (Isaksson et al., 2014).

При апробации МОПР для российской выборки проводился анализ латентных профилей и конфирматорный факторный анализ (Корнилова, 2013); тогда не было выявлено гендерных различий между мужчинами и женщинами и между студентами-психологами и студентами естественных факультетов.

Новым аспектом стало для нас кросс-культурное сравнение стилевых предпочтений ПР в российской и китайской выборках, что позволило отразить культурную специфику индивидуальных различий в выраженности и сочетании разных копингов при ПР.

В указанной ранней апробации опросника на российской выборке было показано, что МОПР обладает хорошей надежностью

и структурной валидностью. Отметим, что тогда *бдительность* была положительно связана с *интолерантностью к неопределенности* и отрицательно — с *толерантностью к неопределенности*, что позволило дополнительно характеризовать этот стиль как направленный на продуктивное преодоление неопределенности, а не ее позитивное принятие.

В найденном исследовании применения МОПР на китайской выборке были приведены только показатели альфа Кронбаха (Wang, Xu, Qin, 2019) — без других психометрических данных апробации опросника. Поэтому мы поставили дополнительную задачу — проверки факторной структуры МОПР на китайском языке.

Цель

Целью нашей работы стало сравнение российских и китайских участников по индивидуальным особенностям ПР, выделяемым при использовании МОПР, а также по сочетаниям стилей с преобладанием позитивного и негативного аффектов в латентных личностных профилях.

Гипотезы

1. О возможных различиях по полу, связанных с предположением о большей эмоциональной включенности женщин в ПР и большей выраженности у них непродуктивных стилей.

2. О положительных связях продуктивного копинга (*бдительность*) с позитивным аффектом, а непродуктивных — с негативным аффектом в обеих культурных выборках; но в силу предполагаемой большей роли межличностных отношений в китайской выборке ожидалась и возможная кросс-культурная специфика связей переменных в китайской выборке.

3. Возможны кросс-культурные отличия латентных профилей в китайской и российской выборках, связанные с разным отношением к неопределенности и предпочтением способов совладания с нею.

Методы

Все участники проходили тестирование на основе осведомленного сотрудничества; в российской выборке — в основном очно индивидуально или в малых группах, а в китайской — в основном онлайн через платформу Вэнь Чжуань Син (问卷星).

В китайской выборке все участники получили два опросника — МОПР и ШПАНА (PANAS) на китайском языке, в российской выборке все прошли МОПР, но опросник ШПАНА прошли только 106 чел.

Опросники

1. Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР) — The Melbourne Decision Making Questionnaire (Mann et al., 1997). Применялся в российской (Корнилова, 2013) и китайской апробации (китайского соавтора этой статьи Ц. Оуэн).

Опросник состоит из 22 вопросов с 3 альтернативными ответами, которые выражают согласие с утверждением. Диагностируются 4 стиля по шкалам: *бдительность*, *прокрастинация*, *избегание* и *сверхбдительность*, описанные во введении.

Дополнительной целью стала оценка психометрических свойств китайской версии МОПР, для чего проведен конфирматорный факторный анализ (табл. 1) и подсчет надежности шкал — их внутренней согласованности.

Таблица 1

Результаты конфирматорного факторного анализа опросника МОПР по китайской выборке

Показатели	χ^2	<i>df</i>	χ^2/df	RMSEA	CFI	TLI	SRMR
4-х факторная модель	397,243	203	1,957	0,059	0,889	0,874	0,074

Table 1

Results of the confirmatory factor analysis of the MDMQ on the Chinese sample

Indicators	χ^2	<i>df</i>	χ^2/df	RMSEA	CFI	TLI	SRMR
4 factor model	397.243	203	1.957	0.059	0.889	0.874	0.074

По результатам анализа показателей пригодности четырехфакторной модели можно сделать вывод о том, что опросник обладает хорошей структурной валидностью. На китайском языке опросник продемонстрировал структурность и внутреннюю согласованность шкал, аналогичную авторской: удовлетворительную для *бдительности* — $\alpha = 0,685$ — и для *сверхбдительности* — $\alpha = 0,704$, хорошую для *избегания* — $\alpha = 0,825$ и для *прокрастинации* — $\alpha = 0,796$. Эти показатели в целом (кроме α *бдительности*) сопоставимы с приводимыми для другой китайской выборки (Wang, Xu, Qin, 2019), где для

бдительности $\alpha = 0,784$, для избегания $\alpha = 0,825$, для сверхбдительности $\alpha = 0,703$, для прокрастинации — $\alpha = 0,767$.

Статистически значимых различий между группами китайцев с разным уровнем образования по стилям ПР не выявлено.

Для российской выборки полученные альфа Кронбаха свидетельствуют о хорошей структурной валидности: бдительность $\alpha = 0,708$, избегание $\alpha = 0,821$, прокрастинация $\alpha = 0,848$, сверхбдительность $\alpha = 0,688$.

2. Шкалы позитивного аффекта и негативного аффекта (ШПАНА) — Positive and Negative Affect Schedule (PANAS).

Опросник разработан Д. Уотсоном с коллегами (Watson, Clark, Tellegen, 1988); апробирован на русском языке (Осин, 2012). Он включает 20 прилагательных, которые оцениваются участником по 5-балльной шкале по степени соответствия с собственным эмоциональным переживанием.

Показатели представлены в 2-х шкалах — ПА (позитивный аффект) и НА (негативный аффект).

Для китайских участников применялась китайская версия опросника Хуана Ли с соавторами (Li, Tingzhong, Zhongmin, 2003). Результаты применения опросника в нашем исследовании показали эквивалентность китайской версии как исходной англоязычной методике, так и русскоязычной версии. В нашей китайской выборке установлена его высокая надежность (внутренняя согласованность): $\alpha = 0,89$ для шкалы ПА, $\alpha = 0,86$ для шкалы НА.

Для российской выборки показатели надежности ниже: для шкалы ПА $\alpha = 0,76$, для НА $\alpha = 0,67$.

Обработка данных

Сравнение выборочных средних для измеренных переменных и корреляционный анализ проводились в системе SPSS. Анализ латентных профилей проводился отдельно для российской и китайской выборок в программном пакете MPlus. *Анализ латентных профилей* фокусируется на индивидуальных различиях (*person-centered approach*), в том числе на взаимосвязях между переменными, идентифицируя источники различия гомогенных подгрупп как латентных классов, или профилей испытуемых.

Выборка

534 человека: 259 из России ($M_{\text{возр}} = 27,67$; 84 мужчины, 32,4%; 175 женщин, 67,6%) и 272 из Китая ($M_{\text{возр}} = 27,76$; 105 мужчин, 38,6%;

167 женщин, 61,4%). По возрасту выборки не отличались (российские участники отбирались из большей выборки в соответствии с демографическими данными китайских участников). В России 192 (74,1%) человека — студенты, работающие — 67 (25,9%); в Китае работающих 140 (51,3%), студентов — 132 (48,4%).

Результаты

Анализ различий по переменным

Сравнение диагностируемых переменных по непараметрическим критериям выявило значимо большую *бдительность* у россиян и *большее избегание* (перекладывание ответственности) и *сверхбдительность* (неоправданную смену целей) у китайских участников (значения непараметрических критериев представлены в табл. I в Приложении). По *прокрастинации* выборки не различались.

Сравнение *возрастных* групп (от 18 лет до 21 года и от 22 до 35 лет включительно; табл. II в Приложении) показало, что у россиян более молодые участники характеризуются более высоким уровнем непродуктивных копингов — *сверхбдительности, избегания и прокрастинации*. В китайской выборке не обнаружено возрастных различий.

Сравнение *по полу* показало, что у россиян не было значимых различий в *бдительности*, но у женщин показатели непродуктивных копингов выше; при использовании критерия Манна—Уитни выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами по показателям *сверхбдительности* ($U = 5176; Z = -3,88; p < 0,01$), *избегания* ($U = 5290; Z = -3,670; p < 0,01$) и *прокрастинации* ($U = 4664; Z = -4,79; p < 0,01$); средние ранги: 142, 142, 145 у женщин против 104, 105, 98 у мужчин соответственно.

В китайской выборке не обнаружено различий между мужчинами и женщинами по высоте переменных, но выявлены различия по связям между стилевыми переменными.

Корреляционный анализ

Корреляционный анализ (табл. 2 и 3) показал, что у всех россиян (в группах и женщин, и мужчин) и у китайских мужчин *бдительность* не связана с непродуктивными копингами, но последние значимо коррелируют между собой. В отличие от этого, у китайских женщин все 4 копинга значимо связаны (табл. 3), то есть продуктивный копинг положительно связан с выраженностью непродуктивных стилей со-владания с неопределенностью.

Таблица 2

Связи шкал МОПР для российской выборки

№	Стиль		1	2	3
1.	Бдительность	Мужчины	–		
		Женщины	–		
2.	Избегание	Мужчины	–0,037	–	
		Женщины	–0,290	–	
3.	Прокрастинация	Мужчины	–0,203	0,670**	–
		Женщины	–0,118	0,635**	–
4.	Сверхбдительность	Мужчины	–0,183	0,493**	0,636**
		Женщины	0,012	0,519**	0,586**

Примечания: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). $N_m = 84$ (32,4%), $N_{ж} = 175$ (67,6%)

Table 2

Correlations between the MDMQ scales in Russian sample

№	Style		1	2	3
1.	Vigilance	Men	–		
		Women	–		
2.	Back Passing	Men	–0.037	–	
		Women	–0.290	–	
3.	Procrastination	Men	–0.203	0.670**	–
		Women	–0.118	0.635**	–
4.	Hypervigilance	Men	–0.183	0.493**	0.636**
		Women	0.012	0.519**	0.586**

Note: ** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed). $N_m = 84$ (32.4%), $N_w = 175$ (67.6%)

В общей российской выборке *бдительность* значимо отрицательно связана с *прокрастинацией* ($\rho = -0,212$; $p < 0,05$). *Сверхбдительность* в общей российской выборке положительно связана с позитивным аффектом — ПА ($\rho = 0,211$; $p < 0,05$), отрицательно — с негативным — НА ($\rho = -0,212$; $p < 0,05$). *Сверхбдительность* также положительно связана с непродуктивными копингами — *избеганием* ($\rho = 0,546$; $p < 0,01$) и *прокрастинацией* ($\rho = -0,636$; $p < 0,01$), которые также положительно коррелируют между собой ($\rho = 0,676$; $p < 0,01$).

Таблица 3

Связи шкал МОПР для китайской выборки

№	Стиль	Пол	1	2	3
1.	Бдительность	Мужчины	–		
		Женщины	–		
2.	Избегание	Мужчины	–0,060	–	
		Женщины	0,200**	–	
3.	Прокрастинация	Мужчины	–0,010	0,446**	–
		Женщины	0,250**	0,563**	–
4.	Сверхбдительность	Мужчины	0,072	0,524**	0,680**
		Женщины	0,274**	0,582**	0,647**

Примечания: **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). $N_m = 105$ (38,6%), $N_{ж} = 167$ (61,4%)

Table 3

Correlations between the MDMQ scales in Chinese sample

№	Style	Sex	1	2	3
1.	Vigilance	Men	–		
		Women	–		
2.	Back Passing	Men	–0.060	–	
		Women	0.200**	–	
3.	Procrastination	Men	–0.010	0.446**	–
		Women	0.250**	0.563**	–
4.	Hypervigilance	Men	0.072	0.524**	0.680**
		Women	0.274**	0.582**	0.647**

Note: **. Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed). $N_{men}=105$ (38.6%), $N_{women}=167$ (61.4%)

В общей китайской выборке *бдительность* значимо положительно связана с ПА ($\rho = 0,213$; $p < 0,01$); все непродуктивные копинги положительно связаны с НА (коэффициенты Спирмена соответственно для *избегания*, *прокрастинации* и *сверхбдительности* — $\rho = 0,369$, $\rho = 0,451$, $\rho = 0,522$ при $p < 0,01$).

Анализ латентных профилей

При анализе латентных профилей мы ориентировались на то, что при апробации МОПР для выборки россиян устанавливались два профиля (Корнилова, 2013). Поэтому мы проверяли модели, включающие разбиение каждой выборки на 2 и 3 класса. Показатели моделей даны в табл. 4.

Таблица 4

Пригодность моделей с выделением двух и трех кластеров по обеим выборкам

Модель	AIC	BIC	aBIC	Энтропия
Для китайской выборки				
2 класса	1406,290	1438,743	1410,206	0,641
3 класса	1408,182	1458,663	1414,273	0,679
Для российской выборки				
2 класса	1318,769	1350,885	1322,350	0,715
3 класса	1325,595	1375,552	1331,165	0,740

Table 4

Evaluating Class Solutions for 2 and 3 classes for both samples

Models	AIC	BIC	aBIC	Entropy
Chinese sample				
2 class	1406.290	1438.743	1410.206	0.641
3 class	1408.182	1458.663	1414.273	0.679
Russian sample				
2 class	1318.769	1350.885	1322.350	0.715
3 class	1325.595	1375.552	1331.165	0.740

Как видно из рис. 1 и 2, для обеих выборок установлены схожие характеристики выделения двух профилей.

Двухкластерное решение демонстрирует при схожем среднем показателе бдительности расхождение по 3-м непродуктивным копингам (с минимальными и максимальными значениями). Однако трехкластерное решение дополнительно позволило выделить небольшие группы участников с иным соотношением высоты переменных: в российской выборке из группы с большими показателями по непродуктивным копингам (46,6% при 2-х кластерах) выделяется

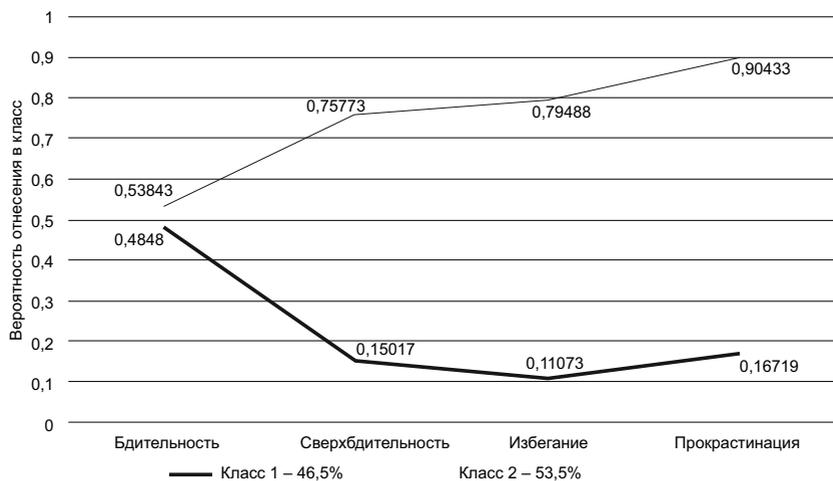

Рис. 1. График для двух классов по МОПР для российской выборки

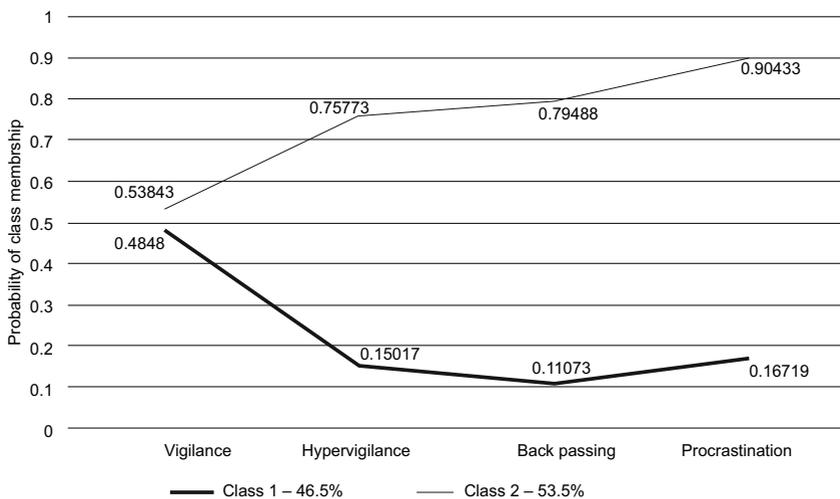

Fig. 1. Graph for two MDMQ classes in Russian sample

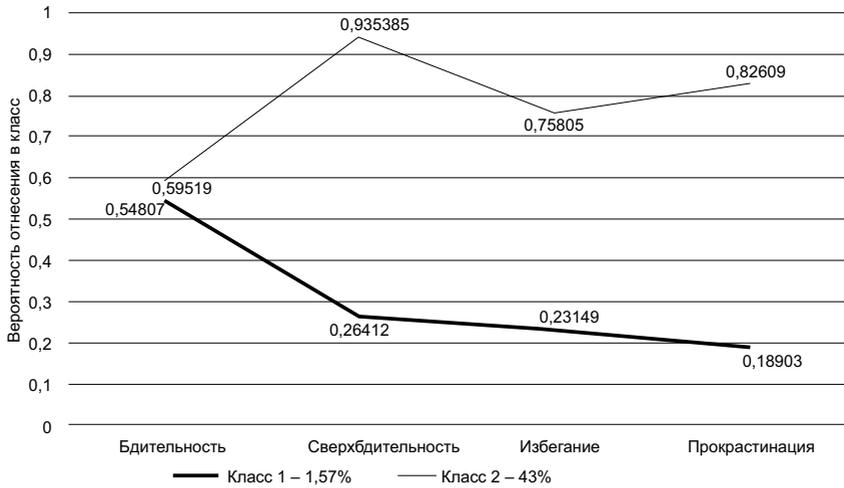

Рис. 2. График для двух классов по МОПР для китайской выборки

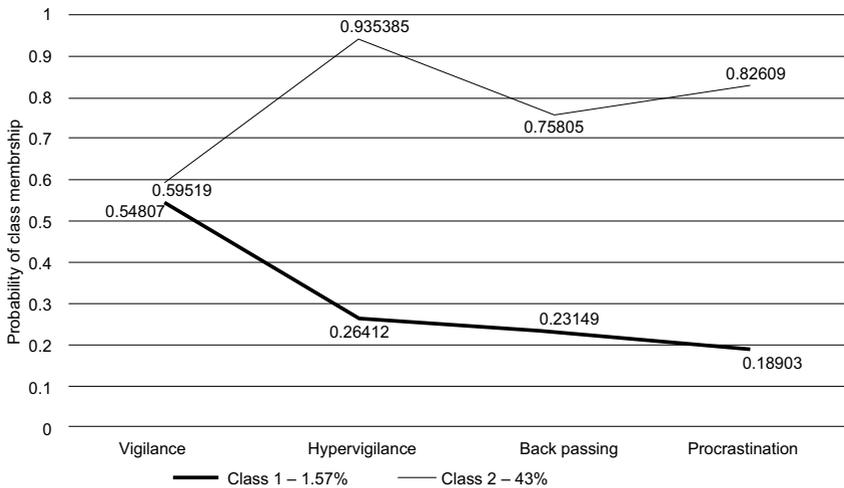

Fig. 2. Graph for two MDMQ classes in Chinese sample

небольшая группа (7,6 %) с максимальной *бдительностью* при снижении *избегания*; в китайской выборке третья группа (12,3 %) отделяется от группы с низкими показателями непродуктивных копингов, демонстрируя еще меньшие показатели, при этом *бдительность* уменьшается.

На рис. 3 и 4 представлены трехкластерные решения с добавлением шкал позитивного и негативного аффекта. Поскольку в отличие от китайской выборки в российской только меньшая часть была протестирована по опроснику ШПАНА, конфигурация сопутствия переменных в профиле на рис. 3 несколько отличается от того, что мы видим на рис. 1.

Обсуждение результатов

В обеих выборках показатели по продуктивному копингу *бдительность* не различались у мужчин и женщин. Анализ внутригрупповых различий по полу только в российской выборке выявил повышение показателей по непродуктивным копингам у женщин, что не было обнаружено ранее в исследовании по апробации МОПР (Корнилова, 2013). Таким образом, гипотеза 1 принимается для российской выборки с уточнением, что у женщин выше показатель непродуктивных копингов (причем они снижаются с возрастом), но отвергается для китайской выборки, поскольку в ней не установ-

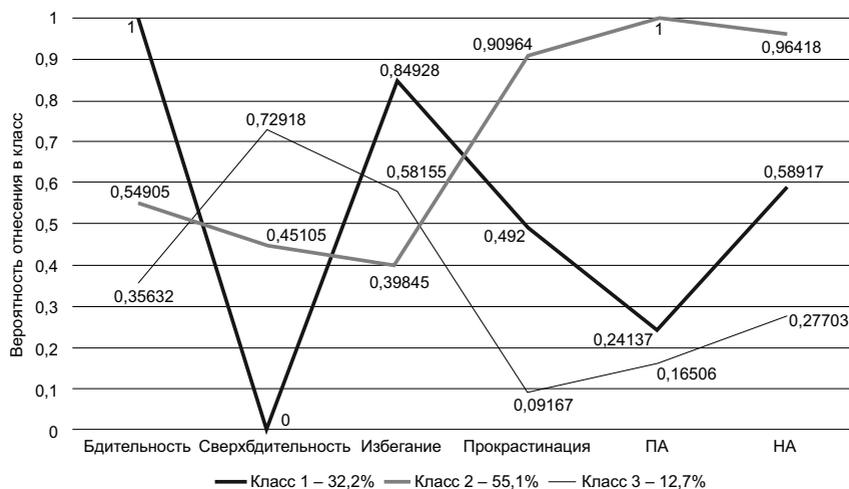

Рис. 3. График для трех классов по МОПР и ШПАНА для российской выборки

лено различий в высоте индивидуально-стилевых характеристик ПР по полу. Однако кросс-культурные различия выявлены по связям между стилиевыми переменными.

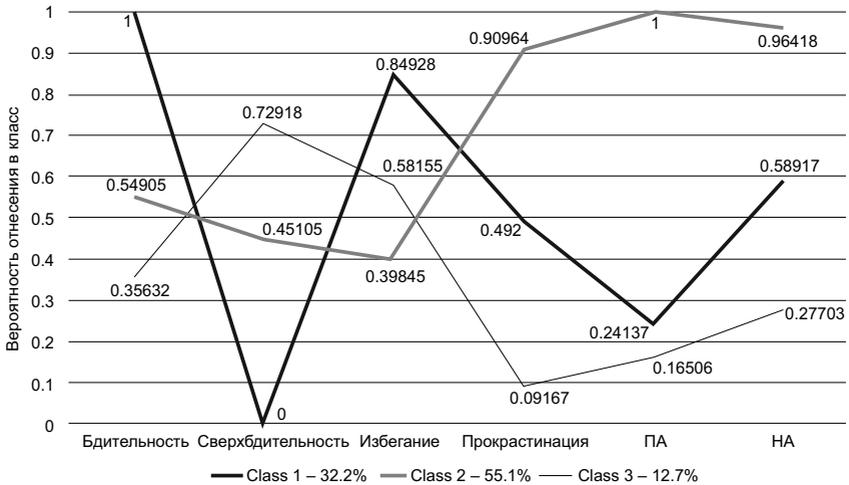

Fig. 3. Graph for three MDMQ classes in Russian sample

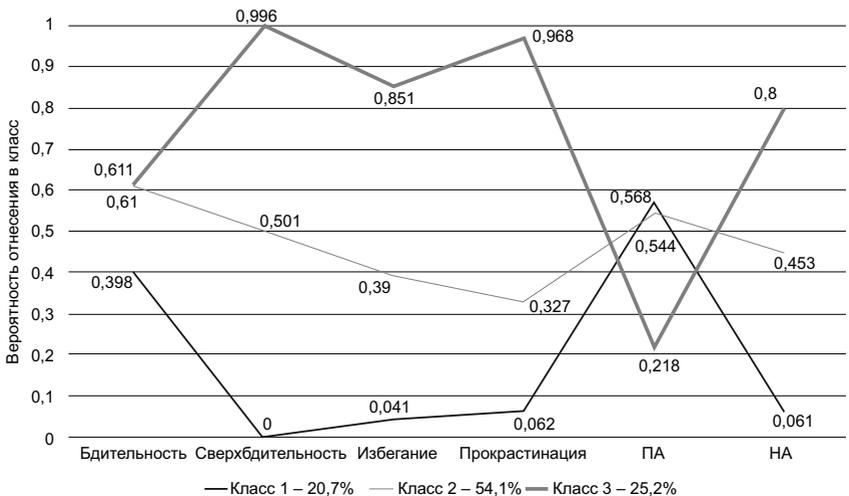

Рис. 4. График для трех классов по МОПР и ШПАНА для китайской выборки

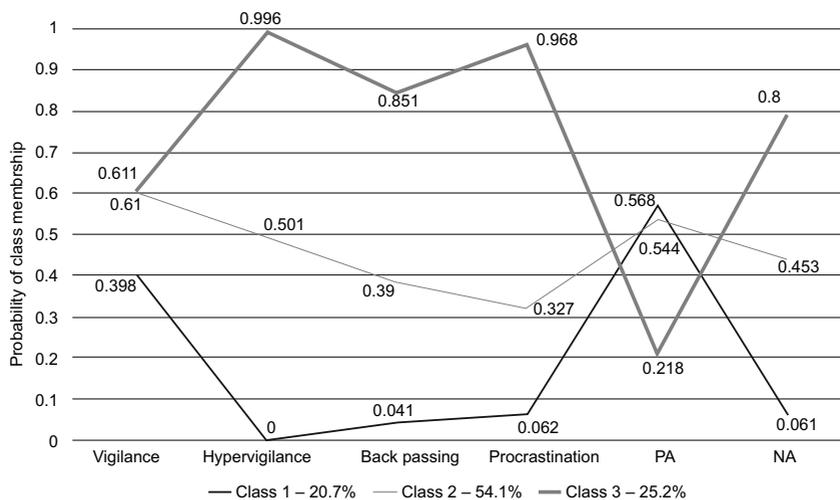

Fig. 4. Graph for three MDMQ classes in Chinese sample

Если результаты для российской выборки и для китайских мужчин об отсутствии связей между продуктивным и непродуктивными копингами соответствуют литературным данным о применении МОПР в других странах (Cotrena et al., 2017; Pitel, Mentel, 2017), то связи продуктивного и всех непродуктивных копингов у китайских женщин противоречат им. Для всех россиян и китайских мужчин стиль *бдительность* помогает преодолевать «бремя усилий» при ПР. Однако согласно теории И. Джениса и Л. Манна, позитивный и негативный копинг-стили не являются двумя полюсами одной шкалы. Это проявилось в том, что для китайских женщин следование *бдительности* не означает, что они при этом меньше используют непродуктивные копинги, что, возможно, означает большую эмоциональную включенность и «личностную цену» ПР — большие усилия по соответствующей шкале в модели мультипликативной регуляции ПР (Корнилова, 2016).

По результатам обеих культурных выборок принимается гипотеза 2 о связи продуктивного копинга *бдительность* с позитивным аффектом, а непродуктивных копингов — с негативным аффектом. Это соответствует также связям эмоционального интеллекта с показателями по опроснику PANAS (Andrei, Petrides, 2013). Таким образом, нами установлена предполагаемая роль эмоциональных процессов в становлении стилей ПР; гипотеза 2 принимается для обеих выборок.

Несмотря на то, что мы выявили различия между культурными выборками по величине переменных — большей *бдительности* у россиян и *избегания* (перекладывания ответственности) и *сверхбдительности* у китайцев, изначально мы рассматривали именно сопутствие разной выраженности копингов внутри культурных выборок в качестве основания для проверки гипотезы о специфике стилевой регуляции принятия решений.

Кросс-культурное сравнение *латентных профилей* выявило общность в 2-х типах, установленных у россиян и китайцев: по соотношению средней выраженности продуктивного копинга и различиям в выраженности непродуктивных. Таким образом, гипотеза 3 о возможных кросс-культурных различиях в стилевой регуляции ПР отвергается. Двухкластерное решение для российской выборки соответствует данным предыдущего исследования десятилетней давности (Корнилова, 2013), также с основным отличием по выраженности непродуктивных копингов; но теперь оно более равномерное по количественному составу классов; для китайской выборки это получено впервые, как и возможное выделение третьего профиля.

Выводы

1. Поскольку не наблюдается кросс-культурных различий в латентных профилях стилевой регуляции принятия решений между китайской и российской выборками, следует считать верифицированной гипотезу об их сходстве. Анализ латентных профилей позволил (при трехкластерном решении) проявить более тонкие различия в особенностях малых групп, дающих нетривиальные сочетания продуктивного копинга *бдительность* и непродуктивных копингов *избегания*, *прокрастинации* и *сверхбдительности*.

2. Гипотеза о различиях стилевой регуляции по полу верифицирована с уточнением специфики в выборке китайских женщин; в этом аспекте кросс-культурное отличие отражается в сопутствии у них роста показателя продуктивного стиля *бдительность* с увеличением показателей роста и всех непродуктивных копингов.

3. Установлены также следующие различия по высоте стилевых переменных: в российской выборке это большие показатели непродуктивных стилей у женщин (по сравнению с мужчинами) и снижение показателей непродуктивных копингов в целом по российской выборке.

4. В обеих выборках продуктивный стиль регуляции ПР — *бдительность* — положительно связан с позитивным аффектом, а непродуктивные стили — с негативным аффектом.

Ограничения

Поскольку остался не решенным вопрос о предпочтительности выделения 2-х или 3-х классов латентных профилей в обеих выборках, то возможно, что увеличение числа участников поможет определиться в этом. Более достоверными будут выводы на больших выборках, которые могут включать также данные о профессиональных сдвигах в диагностируемых показателях индивидуально-личностной регуляции принятия решений.

Литература

- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования: (электронный журнал). 2013. Т. 6, № 31. С. 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/671/353> (дата обращения: 07.12.2021).
- Корнилова Т.В., Корнилов С.А. Латентные профили личностных свойств, связанных с принятием решений о социальном дистанцировании (на примере российской и азербайджанской выборок) // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 36–47. <https://doi.org/10.31857/S020595920015189-3>
- Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю. Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «Рациональный–Опытный» (Rational–Experiential Inventory) // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 92–107. <https://doi.org/10.7868/S0205959217030084>
- Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 91–110.
- Разваляева А.Ю. Рациональность и интуиция как личностные факторы принятия решений: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2021.
- Чумакова М.А. Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Andreï, F., Petrides, K.V. (2013). Trait emotional intelligence and somatic complaints with reference to positive and negative mood. *Psihologija*, 46 (1), 5–15. <https://doi.org/10.2298/PSI1301005A>
- Bouckennooghe, D., Vanderheyden, K., Mestdagh, S., van Laethem, S. (2007). Cognitive motivation correlate of coping style in decisional conflict. *The Journal of Psychology*, 141 (6), 605–625. <https://doi.org/10.3200/JRLP.141.6.605-626>
- Cotrena, C., Branco, L.D., Fonseca, R.P. (2017). Adaptation and validation of the Melbourne Decision Making Questionnaire to Brazilian Portuguese. *Trends Psychiatry and Psychotherapy*, 40, 1, 29–37. <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2017-0062>

Di Fabio, A. (2006). Decisional procrastination correlates: Personality traits, self-esteem or perception of cognitive failure? *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 6, 109–122. <https://doi.org/10.1007/s10775-006-9000-9>

Di Schiena, R., Luminet, O., Chang, B., Philippot, P. (2013). Why are depressive individuals indecisive? Different modes of rumination account for indecision in non-clinical depression. *Cognitive Therapy Research*, 37, 713–724. <https://doi.org/10.1007/s10608-012-9517-9>

Epstein, S., Pacini, R., Denes-Raj, V., Heier, H. (1996). Individual differences in Intuitive-Experiential and Analytical-Rational Thinking Styles. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71 (2), 390–405. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390>

Isaksson, U., Hajdarević, S., Jutterström, L., Hörnsten, Å. (2014). Validity and reliability testing of the Swedish version of Melbourne Decision Making Questionnaire. *Scand. Journal of Caring Sci.*, 28 (2), 405–412. <https://doi.org/10.1111/scs.12052>

Janis, I., Mann, L. (1977). *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice and Commitment*. New York: The Free Press.

Kamhalová, I., Halama, P., Gurnáková, J. (2013). Affect regulation and decision making in healthcare professionals: Typology approach. *Studia Psychologica*, 55(1), 19–31.

Kornilova, T.V., Zhou, Q. (2021). Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in Chinese and Russians). *Behavioral Sciences*, 11 (10), 137. <https://doi.org/10.3390/bs11100137>

Li, H., Tingzhong, Y., Zhongmin, J. (2003). Исследование применимости шкалы позитивно-негативных эмоций к китайской популяции. *Китайский журнал психического здоровья*, 17 (1), 54–56. (In Chinese).

Mann, L., Burnett, P., Radford, M., Ford, S. (1997). The Melbourne Decision Making Questionnaire: An Instrument of Measuring Patterns for Coping with Decisional Conflict. *Journal of Behavioral Decision Making*, 10 (1), 1–19. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199703\)](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199703)10(1)<1::AID-DBM1099-0771(199703)>3.0.CO;2-3)

Misuraca, R., Faraci, P., Gangemi, A., Carmeci, F.A., Miceli, S. (2015). The Decision Making Tendency Inventory: A new measure to assess maximizing, satisficing, and minimizing. *Personality and Individual Differences*, 85, 111–116. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.04.043>

Pitel, L., Mentel, A. (2017). Decision-Making styles and subjective performance evaluation of decision-making quality among hospital nurses. *Studia Psychologica*, 59 (3), 217–231. <https://doi.org/10.21909/sp.2017.03.742>

Sari, E. (2008). The relations between decision making in social relationships and decision making styles. *World Applied Sciences Journal*, 3 (3), 369–381.

Urieta, P., Aluja, A., Garcia, L.F., Balada, F., Lacomba, E. (2021). Decision-Making and the alternative Five Factor Personality Model: Exploring the role of personality traits, age, sex and social position. *Frontiers Psychology*, 12, 717705. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.717705>

Wang, Y., Xu, F., Qin, F. (2019). The Influence of enneagram on decision style: Mindfulness as mediator variable. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 266–281. <https://doi.org/10.4236/jss.2019.74021>

Watson, D., Clark, L.A., Tellegen, A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 154 (6), 1063–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>

Zirenko, M.S., Kornilova, T.V., Zhou, Q., Izmailova, A. (2021). Personality regulation of decisions on physical distancing: Cross-cultural comparison (Russia, Azerbaijan, China). *Personality and Individual Differences*, 170, 110418. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110418>

References

Andrei, F., Petrides, K.V. (2013). Trait emotional intelligence and somatic complaints with reference to positive and negative mood. *Psychology*, 46 (1), 5–15. <https://doi.org/10.2298/PSI1301005A>

Bouckenooghe, D., Vanderheyden, K., Mestdagh, S., van Laethem, S. (2007). Cognitive motivation correlates of coping style in decisional conflict. *The Journal of Psychology*, 141 (6), 605–625. <https://doi.org/10.3200/JRLP.141.6.605-626>

Chumakova, M.A. (2010). Lichnostnye predposylki ratsional'nogo vybora v usloviyakh neopredelennosti: Dis. ... kand. psikhol. nauk. (Personal prerequisites for rational choice under conditions of uncertainty: dissertation). Cand.Sci. (Psychology). M.: MGU. (in Russ.).

Cotrena, C., Branco, L.D., Fonseca, R.P. (2017). Adaptation and validation of the Melbourne Decision Making Questionnaire to Brazilian Portuguese. *Trends Psychiatry and Psychotherapy*, 40, 1, 29–37. <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2017-0062>

Di Fabio, A. (2006). Decisional procrastination correlates: Personality traits, self-esteem or perception of cognitive failure? *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 6, 109–122. <https://doi.org/10.1007/s10775-006-9000-9>

Di Schiena, R., Luminet, O., Chang, B., Philippot, P. (2013). Why are depressive individuals indecisive? Different modes of rumination account for indecision in non-clinical depression. *Cognitive Therapy Research*, 37, 713–724. <https://doi.org/10.1007/s10608-012-9517-9>

Epstein, S., Pacini, R., Denes-Raj, V., Heier, H. (1996). Individual differences in Intuitive-Experiential and Analytical-Rational Thinking Styles. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71 (2), 390–405. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390>

Isaksson, U., Hajdarević, S., Jutterström, L., Hörnsten, Å. (2014). Validity and reliability testing of the Swedish version of Melbourne Decision Making Questionnaire. *Scand. Journal of Caring Sci.*, 28 (2), 405–412. <https://doi.org/10.1111/scs.12052>

Janis, I., Mann, L. (1977). *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice and Commitment*. New York: The Free Press.

Kamhalová, I., Halama, P., Gurňáková, J. (2013). Affect regulation and decision making in healthcare professionals: Typology approach. *Studia Psychologica*, 55 (1), 19–31.

Kornilova, T.V. (2016). *Intellectual and personal potential in conditions of uncertainty and risk*. SPb.: Publishing House Nestor Istoriya (In Russ.).

Kornilova, T.V. (2013). Melbourne Decision Making Questionnaire: A Russian Adaptation. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 6 (31), 4.

(Retrieved from <https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/671/353>)
(review date: 07.12.2021). (In Russ.).

Kornilova, T.V., Kornilov, S.A. (2021). Latent profiles of personality traits related to decision making about social distancing (in Russia and Azerbaijan). *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 42 (3), 36–47. <https://doi.org/10.31857/S020595920015189-3> (In Russ.).

Kornilova, T.V., Razvaliaeva, A.Yu. (2017). The rationality and intuition scales in S. Epstein's questionnaire REI (Russian approbation of the full version). *Psychological Journal*, 38 (3), 92–107. <https://doi.org/10.7868/S0205959217030084> (In Russ.).

Kornilova, T.V., Zhou, Q. (2021). Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in Chinese and Russians). *Behavioral Sciences*, 11 (10), 137. <https://doi.org/10.3390/bs11100137>

Kozeletsky, Yu. (1979). Psychological decision theory. M.: Progress. (In Russ.).

Li, H., Tingzhong, Y., Zhongmin, J. (2003). Study of the applicability of the scale of positive-negative emotions to the Chinese population. *Chinese Journal of Mental Health*, 17 (1), 54–56.

Mann, L., Burnett, P., Radford, M., Ford, S. (1997). The Melbourne Decision Making Questionnaire: An Instrument of Measuring Patterns for Coping with Decisional Conflict. *Journal of Behavioral Decision Making*, 10 (1), 1–19. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199703\)10\(1\), 1–19](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199703)10(1)<1::AID-JBDM1099-0771(199703)10:1<1::AID-JBDM1099-0771(199703)10:1>3.0.CO;2-1). [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199703\)10\(1\), 1-19](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199703)10(1), 1-19)

Misuraca, R., Faraci, P., Gangemi, A., Carmeci, F.A., Miceli, S. (2015). The Decision Making Tendency Inventory: A new measure to assess maximizing, satisficing, and minimizing. *Personality and Individual Differences*, 85, 111–116. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.04.043>

Osin, E.N. (2012). Measuring Positive and Negative Emotions: Development of a Russian-Language Analogue of the PANAS Method. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economics)*, 9 (4), 91–110. (In Russ.).

Pitel, L., Mentel, A. (2017). Decision-Making styles and subjective performance evaluation of decision-making quality among hospital nurses. *Studia Psychologica*, 59 (3), 217–231. <https://doi.org/10.21909/sp.2017.03.742>

Razvaliaeva, A.U. (2021). Ratsional'nost' i intuitsiya kak lichnostnye faktory prinyatiya reshenij: diss. ... kand. psihol. nauk. (Rationality and intuition as personal decision-making factors: dissertation). Cand.Sci. (Psychology). M.: MGU. (In Russ.).

Sari, E. (2008). The relations between decision making in social relationships and decision making styles. *World Applied Sciences Journal*, 3 (3), 369–381.

Urieta, P., Aluja, A., Garcia, L.F., Balada, F., Lacomba, E. (2021). Decision-Making and the alternative Five Factor Personality Model: Exploring the role of personality traits, age, sex and social position. *Frontiers Psychology*, 12, 717705. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.717705>

Wang, Y., Xu, F., Qin, F. (2019). The Influence of enneagram on decision style: Mindfulness as mediator variable. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 266–281. <https://doi.org/10.4236/jss.2019.74021>

Watson, D., Clark, L.A., Tellegen, A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 154 (6), 1063–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>

Zirenko, M.S., Kornilova, T.V., Zhou, Q., Izmailova, A. (2021). Personality regulation of decisions on physical distancing: Cross-cultural comparison (Russia, Azerbaijan, China). *Personality and Individual Differences*, 170, 110418. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110418>

Поступила: 24.12.2022

Получена после доработки: 24.05.2023

Принята в печать: 18.07.2023

Received: 24.12.2022

Revised: 24.05.2023

Accepted: 18.07.2023

Приложения

Таблица I

Сравнение показателей МОПР российской и китайской выборок

	Бдительность	Сверхбдительность	Избегание	Прокрастинация
U Манна — Уитни	21310,000	25056,000	30625,500	32979.500
W Вилкоксона	58438,000	58726,000	64295,500	66649,500
Z	-7,970	-5,793	-2,616	-1,277
Асимп. значимость (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,009	0,201

Table I

Comparison of the indicators of MDMQ for Russian and Chinese samples

	Vigilance	Hypervigilance	Back Passing	Procrastination
U Mann — Whitney	21310.000	25056.000	30625.500	32979.500
W Wilcoxon	58438.000	58726.000	64295.500	66649.500
Z	-7.970	-5.793	-2.616	-1.277
P-value (2-tailed)	0.000	0.000	0.009	0.201

Таблица II

Сравнение показателей МОПР российской и китайской выборок по возрасту от 18 до 22 лет и группы от 22 до 35 лет

Страна		Бдительность	Сверхбдительность	Избегание	Прокрастинация
Россия	U Манна — Уитни	4364,500	2570,500	2488,000	2519,500
	W Вилкоксона	6849,500	5055,500	4973,000	5004,500
	Z	-0,576	-5,165	-5,367	-5,285
	Асимп. знач. (двухсторонняя)	0,565	0,000	0,000	0,000
Китай	U Манна — Уитни	5527,500	5748,500	5682,000	5758,000
	W Вилкоксона	12548,500	12769,500	12703,000	12779,000
	Z	-1,051	-0,577	-0,717	-0,556
	Асимп. знач. (двухсторонняя)	0,293	0,564	0,473	0,578

Table II

Comparison of indicators of MDMQ in Russian and Chinese samples by age from 18 to 22 years and from 22 to 35 years

Country		Vigilance	Hyper-vigilance	Back-Passing	Procrastination
Russia	U Mann-Whitney	4364.500	2570.500	2488.000	2519.500
	W Wilcoxon	6849.500	5055.500	4973.000	5004.500
	Z	-0.576	-5.165	-5.367	-5.285
	P-value (2-tailed)	0.565	0.000	0.000	0.000
China	U Mann-Whitney	5527.500	5748.500	5682.000	5758.000
	W Wilcoxon	12548.500	12769.500	12703.000	12779.000
	Z	-1.051	-0.577	-0.717	-0.556
	P-value (2-tailed)	0.293	0.564	0.473	0.578

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Васильевна Корнилова — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, tvkornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>

Цзянь Оуян — выпускница магистратуры кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ouzy2020spbu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2787-6093>

Лидия Баировна Максарова — студентка кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, maksarovalydia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1176-6633>

ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Kornilova — Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, tvkornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5065-3793>

Ouyan Ziyan — Graduate Student at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, ouzy2020spbu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2787-6093>

Lydia B. Maksarova — Undergraduate Student in Psychology at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, maksarovalydia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1176-6633>